

Алексей Иванович Подберёзкин –

доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, директор Центра военно-политических исследований, член Экспертного совета при председателе Государственной Думы ФС РФ

Военно-политическая обстановка ближайших десятилетий: сценарии и стратегии

Вассалы Франции искусно поставлены в положение белки, долженствующей вертеть колесо милитаризма.

Александр Свечин

Анализ существующих и прогноз на долгосрочную перспективу будущих сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) является исключительно важной политической, экономической и военной задачей, от решения которой во многом зависят безопасность государства, его экономическое и социальное благополучие. Более того, представляется, что в XXI веке военная безопасность предопределяет уже не только государственный суверенитет и способность защищать национальные и государственные интересы в мире, но и сохранение

национальной идентичности и системы ценностей, а также защиту национальных интересов.

Во втором десятилетии XXI века проблема развития сценариев ВПО в будущем приобрела особенно острый характер. Военные конфликты и войны на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и, наконец, на Украине показали, что произошел существенный перелом в развитии ВПО: резко обострились существующие и появились новые потенциальные и актуальные угрозы. Это связано с двумя глобальными и взаимоисключающими процессами, которые ведут к даль-

нейшему обострению ВПО. С одной стороны, соотношение сил в мире изменилось не в пользу США, и появились новые центры силы. С другой стороны, США тем не менее стремятся во что бы то ни стало сохранить свое глобальное лидерство и способность влиять на развитие любых процессов в мире. Кроме того, объективное усиление целого ряда государств и иных субъектов международной обстановки (МО) неизбежно ведет к усилению роли и значения новых субъектов ВПО. Если прежде — в начале XX века — характер ВПО в мире определяли несколько крупных государств (в период Первой мировой войны — Германия, Франция, Россия, Великобритания, США, Австро-Венгрия, Италия, Турция и др.), а в середине века круг этих государств сузился фактически до СССР, США, Германии, Японии и Великобритании, то в начале нового столетия на формирование ВПО и будущих сценариев ее развития воздействуют уже не только великие державы (среди которых также произошло перераспределение влияния), но и быстро развивающиеся государства и негосударственные акторы — международные организации и иные общественные, политические и военные негосударственные субъекты.

Развитие будущих сценариев ВПО в мире происходит под влиянием нескольких групп факторов:

- ♦ основных субъектов ВПО (государств);
- ♦ негосударственных акторов ВПО (коалиций, союзов, политических организаций);
- ♦ глобальных тенденций политического, экономического, научно-технического развития;
- ♦ отношений между этими субъектами и тенденциями ВПО.

Арес Людовизи

При этом совершенно очевидно, что:

- ♦ сценарии развития МО и их варианты во многом определяют сценарии и варианты развития ВПО;
- ♦ сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от областей МО, так и от основных факторов, определяющих ВПО;
- ♦ анализ и прогноз ВПО имеет сугубо конкретный (вре-

менной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным;

- ♦ экстраполяция того или иного сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть лишь очень ограниченной из-за огромного числа факторов влияния вообще и переменных величин таких факторов в частности.

Тем не менее вывод о возможности и необходимости анализа существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО наглядно подтверждается на фоне качественных перемен, происходящих в ВПО в мире во втором десятилетии XXI века.

Конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются — теоретически и методологически — на взаимосвязи сценариев развития МО и ВПО. То есть существующие и будущие конкретные сценарии развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих сценариев МО, их естественной составной частью. Вместе с тем конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие из сценариев развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события разворачиваются в одно и то же время, в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут быть — и обязательно оказываются! — разными. И при этом зависящими от множества субъективных факторов, часть из которых была неизвестна и не учитывалась, а часть — только что появилась.

Проблема адекватности оценки сценариев развития ВПО правящей элитой

Начиная с 2013 года в России активизировались дискуссии по военно-политической тематике и конкретные шаги в этом направлении, что привело к целой серии важных, хотя порой и запоздалых, решений. Подобная реакция высшего эшелона правящей элиты была вызвана двумя причинами.

Во-первых, обострением ВПО в мире и очевидным усилением антироссийской направленности во внешней политике целого ряда государств За-

пада. Войны и военные конфликты XXI века — от войн в Югославии и Ираке до войн в Сирии и на Украине — стали яркими примерами готовности Запада не только игнорировать нормы международного права — которые сам Запад пытался многие годы объявить «незыблемыми», — но и откровенно использовать военную силу по своему усмотрению. Во-вторых, дальнейшим избавлением правящей российской элиты от иллюзий протестантского идеологического либерализма, лежавших в основе внешней и военной политики России еще со времен Горбачева. Этот процесс начался еще в первом десятилетии текущего столетия, но именно во втором десятилетии — по мере усиления агрессивности внешней политики США и ЕС — он обрел качественно новый характер. Переоценка интересов, приоритетов и даже ценностей, начатая по инициативе президента Путина, неизбежно ведет к более глубокому политико-идеологическому отходу от примитивного либерализма и к формальному закреплению такого отхода в политических и нормативных документах, а также в кадрово-организационных решениях. Заявление президента о подготовке новой редакции военной доктрины России, принятие в июне 2014 года ФЗ-172 «О стратегическом планировании», реорганизация ВПК, попытки просчитать потенциальные угрозы безопасности и другие действия свидетельствуют о том, что процесс переосмысления основных положений внешней и военной политики России отнюдь не закончился.

Выбор, стоящий перед правящей элитой, и принимаемые ею решения имеют очень широкий разброс как по политическим и дипломатическим последствиям, так и по эконо-

мическим затратам. Например, в конце 30-х годов прошлого века в СССР был сделан в целом адекватный анализ внешних угроз. Это привело к целой серии политических и военных шагов по укреплению безопасности страны (от активных действий на Дальнем Востоке и против Финляндии до дипломатических мер по выходу из политической изоляции), а также по подготовке всей военной организации страны к войне. Противоположный пример — когда неадекватности в анализе МО и ВПО, переоценки внешней угрозы в 70-е годы привели к излишним военным расходам, что усиливало отставание в социально-экономическом и научно-техническом развитии. В конечном счете это привело к разрыву в уровне развития человеческого капитала и его институтов между СССР и ведущими странами Запада. Наконец, есть и третий пример неадекватности при анализе и прогнозе развития МО и ВПО и недооценки внешних и внутренних военных угроз — политика Горбачева и Ельцина, которая привела не только к развалу коалиций (ОВД и системы двусторонних связей), но и самого государства, его военной организации и промышленности.

Адекватность оценки ВПО напрямую зависит от адекватности правящей элиты, так как субъективные факторы и интересы могут серьезно влиять на восприятие угроз. Это особенно значимо именно в настоящее время, когда граница между силовыми военными и невоенными средствами политики фактически исчезла либо стала настолько размытой, что в большей степени зависит не от реального положения вещей, а от политической или медийной трактовки. Так, если прежде начало войны ассоциировалось с ее объявле-

нием (что требовалось по международному праву) либо с фактическими действиями вооруженных сил, то сегодня военные действия ведутся без первого и без второго.

Необходимость систематизации сценариев развития ВПО

Анализ и стратегический прогноз развития сценариев ВПО на ближайшие десятилетия в обязательном порядке предполагают:

- ♦ создание некой системы, позволяющей систематизировать многочисленные и часто противоречивые сценарии ВПО;
- ♦ встраивание этих сценариев в сценарии развития МО, которые имеют приоритетный по отношению к сценариям ВПО характер;
- ♦ выделение основных факторов, влияющих на формирование ВПО;
- ♦ определение временных различий между современными (существующими) сценариями МО и ВПО и возможными будущими — в период до середины XXI века;
- ♦ отбор из максимального числа возможных сценариев ВПО наиболее вероятных, требующих более внимательного изучения;
- ♦ рассмотрение вариантов наиболее вероятных сценариев ВПО.

Существующие или будущие сценарии развития ВПО имеют свои варианты, которые конкретизируют и детализируют базовый вариант в зависимости от конкретных исторических и иных условий. Без оценки отдельных вариантов сценариев прогноз развития ВПО теряет смысл, приобретая слишком абстрактный характер. Любой сценарий ВПО не только изначально субъективен, но и предельно конкретен с точки зрения международной, историче-

ской, социальной и т.п. Поэтому, описывая те или иные сценарии развития ВПО, необходимо уточнять варианты этих сценариев в будущем. Некоторые западные исследователи предлагают выделять как минимум три варианта, отражающих возможность развития сценария по трем направлениям:

- ♦ зона предполагаемых ожиданий;
 - ♦ зона растущего разочарования;
 - ♦ зона растущих ожиданий.
- Такой подход, безусловно, уточняет вероятность тех или иных сценариев развития в будущем прежде всего с точки зрения реализации какой-либо стратегии, которая может быть реалистичной, провальной или очень успешной.

К сожалению, для всего процесса принятия политических и военно-политических решений в России характерно существенное отставание в адекватности и качестве анализа и прогноза. На Западе, с которым Россия сегодня находится в острой фазе противостояния, наоборот: на всех

уровнях происходит быстрое усовершенствование эффективности управления. На эти цели выделены огромные ресурсы, масштаб которых абсолютно несопоставим с российским. Поэтому необходимо, чтобы у нас на комплексной и системной основе постоянно анализировались, обновлялись и прогнозировались различные сценарии и варианты развития МО и ВПО. Это невозможно сделать силами только одного ведомства — Совбеза, Министерства обороны, Генштаба или РАН. Требуется достаточно разносторонний и крупный коллектив исследователей, способный системно проанализировать и спрогнозировать перспективы развития сценариев ВПО и вытекающие из них угрозы. Масштаб этой работы огромен, но от его качества зависит не только эффективность использования значительной части национальных ресурсов, выделяемых на национальную безопасность и оборону, но и сама возможность существования нации и государства в XXI

Таблица 1

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки					
	Группы и подгруппы сценариев МО		Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	Настоящее время	Прогноз до 2035 года	Прогноз до 2050 года
Российская Федерация	группа позитивных сценариев развития МО	союзнические отношения	сценарии формирования военно-политических союзов и создания политических коалиций	0	0	0
		партнерские отношения	сценарии военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
	группа негативных сценариев развития МО	враждебные отношения	сценарии формирования враждебной коалиции, а также геополитической, экономической и военной изоляции и появления соответствующих инфраструктур	+3, +4	+5, +5	+5, +5
		откровенно конфронтационные отношения	сценарии создания «облачного противника» в СНГ и военной провокации в СНГ	+3, +4	+3, +4	+4
	группа нейтральных сценариев развития МО	игнорирование	сценарии фактической военно-политической изоляции	+4	+4, +5	+4, +5
		изолирование	сценарии противодействия любой активности РФ в военно-технической сфере и военно-политической области	+5	+5	+5

веке. Поэтому изначально важно правильно построить модель такого анализа и прогноза, понимая, что очень трудно (если вообще возможно) учесть все факторы, влияющие на формирование ВПО и тем более на все многообразие сценариев и вариантов развития таких сценариев ВПО в будущем.

Дорожная карта развития ВПО на примере противостояния России и США

Определение места сценариев развития ВПО важно прежде всего с точки зрения адекватной оценки политической и военной роли военной силы в современных международных отношениях. Рассмотрим эти сценарии на примере развития отношений двух основных субъектов ВПО — России и США. При этом изначально оценим ситуацию

с позиции тенденций, определяющих МО.

Можно выделить как минимум две глобальные тенденции, дестабилизирующие будущее состояние МО: внешняя задолженность США, которая может привести к обвалу промышленного производства, и цепная реакция в других странах — производителях промышленной продукции. Как показал кризис 2008–2010 годов, такая реакция неизбежно последует. Сокращение промышленного производства и экономический кризис в США — угроза для всей МО, имеющая долгосрочное значение. Эта угроза может проявиться и обостриться неожиданно — даже на фоне вполне благополучных прогнозируемых тенденций в экономике США на 2014–2016 годы, когда рост ВВП может превысить 3 процента. Оценим вероятность развития сценариев МО и ВПО в

матрице от 0 до +5, где 0 будет означать абсолютную невозможность, а +5 — сильную вероятность того или иного сценария. При этом в матрице предлагаются только отдельные группы и подгруппы сценариев МО и ВПО, а не сами сценарии, которые должны быть абсолютно конкретными — политически, исторически, а также с собственно военной точки зрения (таблица 1).

Как видно из расположения существующих и будущих сценариев развития ВПО, они являются следствиями и производными от группы негативных сценариев развития МО. В свою очередь, эта группа является следствием конфронтационного сценария взаимоотношений локальных цивилизаций Запада и Востока. Это обстоятельство важно учитывать, потому что в нем скрываются фундаментальные и системные противоречия (ценностные, интере-

сы цивилизаций, наций и государств, социально-культурные, геополитические и др.), которые формируют общие контуры всех вероятных сценариев развития МО и, как следствие, ВПО.

Поддержание военно-технического развития – основное средство изменения современных негативных сценариев развития ВПО

Типичное заблуждение заключается в том, что безопасность может быть обеспечена международными договорами, в том числе по ограничению и сокращению вооружений. Этого не было и никогда не будет. Правда, никто всерьез на это и не рассчитывал.

Во второй половине XX века и в начале XXI века, похоже, утвердилось единственное средство, гарантирующее обеспечение безопасности государства, — технологическое и военно-техническое равенство, то есть способность создавать такие виды и системы вооружений и военной техники, которые делают невозможным либо очень рискованным применение военной силы в качестве политического инструмента.

Международные и региональные системы безопасности могут быть эффективными средствами обеспечения национальной безопасности только в ряде случаев, то есть они отнюдь не универсальны. Тем более что их эффективность в значительной степени зависит от политики великих держав, некоторые из них в последние десятилетия сознательно разрушают международно-правовую основу безопасности. Ни для Югославии, ни для Ирака, ни для Ливии, ни для Сирии, ни для Украины международная система безопасности не стала гарантией.

Таким образом, на фоне усиления негативных тенденций в развитии сценариев ВПО и их неутешительного долгосрочного прогноза возникает вопрос о реанимации традиционных и о поиске новых средств обеспечения национальной безопасности. На фоне множества нравственных, политических и религиозных, а также научных заблуждений относительно эффективности таких средств практическая определенность в этом вопросе имеет решающее значение. Приходится признать, что противопоставить обостряющимся цивилизационным противоречиям интересы сотрудничества, изменив тем самым общий негативный вектор развития сценариев ВПО, можно всего лишь в четырех случаях:

- ♦ когда цивилизационные риски и общие интересы всей глобальной цивилизации (экономические, природные и т.д.) будут сильнее аналогичных рисков конфликта локальных цивилизаций: метеоритная угроза, природные катаклизмы, эпидемии и иные проявления опасности для всей цивилизации должны быть не только теоретическими, но и реальными, актуальными угрозами;
- ♦ когда возникнут более серьезные угрозы со стороны других локальных цивилизаций (например, исламской) или внутри самой локальной цивилизации между отдельными нациями (Первая мировая война между Германией и Великобританией, например);
- ♦ когда внутренние угрозы (в том числе национальные, социальные и др.) окажутся значительно сильнее внешних угроз либо когда природные и иные катаклизмы создадут угрозу существованию локальной цивилизации;
- ♦ когда военно-техническое соперничество между локальными цивилизациями станет

невыгодным и даже опасным, как это имело место, например, на рубеже 60-х и 70-х годов XX века.

В первых трех случаях изменение негативного вектора развития сценариев ВПО практически не зависит от политической воли: глобальные угрозы не рассматриваются как конкретные, а внутривнутриполитические катаклизмы не прогнозируются, значит, не занимают достойного места в стратегическом планировании. Однако четвертое условие имело прецедент в мировой истории, и его последствия до сих пор положительно сказываются на предотвращении угрозы глобальной войны. Причем характер этого условия в принципе не изменился: в настоящее время конкретным мотивом предотвращения развития негативного сценария может, как и прежде, стать провал политики США, ориентированной на превосходство в основных направлениях НТП — тех, которые будут определять место государства в VI технологическом укладе. Победа в научно-техническом и технологическом соперничестве между ведущими странами-лидерами локальных цивилизаций может быть либо главным средством, обеспечивающим военную и политическую победу (как это является сегодня официально признанным в США), либо средством сдерживания, предотвращения опасной эскалации в негативном развитии сценариев ВПО.

Признание Россией значения технологического и военно-технического развития происходило в XXI веке по мере осознания необходимости отстаивать систему собственных ценностей и национальных интересов. После разрушительных последствий экономических и военных реформ конца 80-х — начала нулевых годов такое признание означа-

ло в конечном счете констатацию необходимости успешного научно-технического и технологического соперничества с Западом по всем основным направлениям. Причем если для Запада, особенно для США, этот приоритет всегда был важнейшим с 40-х годов прошлого века и является важнейшим и в настоящее время, то для России в разные периоды — особенно с конца 80-х и до начала нулевых годов — подобная установка не находилась в центре внимания. Когда такое случалось, соперничество России с США заметно затруднялось по нескольким причинам.

Во-первых, из-за непоследовательности. Если для США на протяжении последних 60–70 лет ставка на научно-техническое превосходство являлась высшим приоритетом, то для СССР-России периодически возникали периоды, когда этот приоритет игнорировался. Последовательность в его соблюдении у нас можно, наверное, отнести только к 30–70-м годам XX века.

Во-вторых, сказывалась огромная разница между начальными научными, экономическими и промышленными потенциалами — разница в сотни раз в 30-е годы и в десятки раз — в 60-е. Особенно заметным был разрыв в качестве национального человеческого капитала, и преодоление его к 80-м годам означало, по сути, достижение военного равновесия.

В-третьих, по причине развала потенциалов СЭВ и СССР, с одной стороны, и интеграции Запада — с другой. В результате соревнование стало крайне неблагоприятным, практически невозможным для России. Особенно когда часть ее элиты продолжает игнорировать значение этого приоритета.

В-четвертых, в силу перехода человечества к VI технологиче-

скому укладу. Теперь просто невозможно успешное соревнование в целом ряде отраслей оборонно-промышленного комплекса. Между тем именно приоритетность в развитии новейших направлений научно-технического прогресса, определяющих характер VI технологического уклада, становится решающим фактором для военно-технического соревнования. Достижение научно-технического и технологического превосходства, обеспечивающего превосходство военное, фактически лишает другие локальные цивилизации возможности участвовать в развитии мировых (оптимистичных) сценариев МО и ВПО. Именно поэтому результаты анализа технологического положения России в настоящем и будущем во многом указывают на наиболее вероятный выбор между мирными и военными сценариями ВПО.

Сам по себе подобный взгляд на проблему не нов. Уже к началу 80-х годов прошлого века стало понятно, что нарастает научно-техническое и технологическое отставание СССР от развитых стран и необходимо принимать экстренные меры. В 1982–1984 годах под кураторством ЦК КПСС и правительственного Государственного комитета по науке и технике была разработана масштабная программа, которая предусматривала опережающие темпы развития ряда отраслей, определяющих научно-технический прогресс. Кстати, перечень отраслей удивительным образом совпал с теми программами «инноваций», которые были разработаны через... 30 лет. Но в 1985 году пленум ЦК по научно-технической политике так и не состоялся — вместо него прошел пленум, на котором генсеком был избран Горбачев и который на долгие годы вперед определил иные

приоритеты. Проблема снова всплыла в начале нулевых, когда была достигнута внутренняя стабилизация и у России появились ресурсы. Но решить эту проблему с того времени так и не удалось.

Правящая элита современной России — в отличие от прежних советских и российских элит — понимает критическую значимость ликвидации технологического разрыва, опасность которого стала заметной еще до происходящего сейчас на Украине. Оценку места России в мире дал в марте 2014 года вице-премьер Рогозин в программной статье в «Российской газете», где, в частности, говорилось: «Весь мир, и наша страна в том числе, вступают в эпоху шестого технологического уклада. Именно он, по прогнозам специалистов, через 25–30 лет станет доминирующим в экономике развитых стран. Технологический уклад — это определенный уровень развития производительных сил, совокупность сопряженных производств, имеющих единый технологический уровень и развивающихся во многом синхронно. <...> Напомню, что сегодня основная часть производственных мощностей России находится на стадии четвертого технологического уклада, битву за который СССР в свое время успешно выиграл. И если в США уже около 60 процентов производств действуют в рамках пятого уклада, то у нас эта цифра ограничивается пока всего 10 процентами. Вот почему именно качественный прорыв сразу в шестой технологический уклад, минуя технологии пятого поколения, является для нас стратегически важным вызовом».

Как видно из приведенной выше матрицы, в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между Россией и

США. И наоборот — более четко и выпукло представлены варианты противоборства, хотя если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их избранными), то они могут существовать и параллельно с развитием конфронтационных сценариев. Так, несмотря на предельное обострение отношений России и НАТО, наша страна продолжает сотрудничать с альянсом в целом ряде областей. Между прочим, элементы сотрудничества США с гитлеровской Германией сохранялись на всем протяжении Второй мировой войны.

Как видно из матрицы, область таких сценариев начиная с 2014 года сосредоточена между минимальными партнерскими отношениями (+1) и максимально враждебными сценариями (+3) с устойчивой тенденцией к ухудшению (+5). Из матрицы, например, видно, что параллельно сосуществуют и реализуются три сценария ВПО с главными участниками в лице США и России, однако наиболее вероятными и реалистичными остаются враждебные сценарии (+3 и +4) с безусловной тенденцией к усилению.

Это может быть расценено и как первый — но скрытый, переходный — этап от завершающей стадии подготовки войны к ее фактическому началу. На мой взгляд, военный конфликт на Украине — первая стадия фактической войны США против России, которая реализуется:

- ♦ чужими вооруженными силами, вооружениями и военной техникой;
- ♦ без объявления войны;
- ♦ при задействовании всего набора невоенных силовых действий, характерных для войны.

Указанная тенденция, вероятно, будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы

и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030-х годов, когда станет реальным неизбежное усиливающееся противоборство новых центров силы с монополией на власть Соединенных Штатов.

На развитие сценариев ВПО влияет также и развитие стратегической обстановки. В военной истории имеются при-

меры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. В будущем следует ожидать учащения таких примеров в результате использования качественно новых вооружений и военной техники. Например, появление ядерного оружия, а затем и создание стратегических наступательных

Диего Веласкес. Бог войны Марс

вооружений радикально повлияли на развитие сценариев ВПО и даже МО после Второй мировой войны. Берлинский, Суэцкий, Кубинский кризисы, Корейская и Вьетнамская войны и другие события, безусловно, испытывали на себе влияние этих факторов.

В XXI веке влияние технологий и лидерства в области научно-технического прогресса будет только нарастать. Уровень развития военных технологий — а не только собственно систем и видов вооружений и военной техники — станет определять эффективность вооруженных сил того или иного государства. В более широком смысле приведенный прогноз имеет отношение к ожидаемой динамике национального человеческого капитала. А в более узком — к науке, знаниям вообще, которые, по оценке Рогозина, «сами по себе становятся оружием — зачастую не менее значимым, чем привычные виды вооружений». Кроме того, в набор военных технологий может войти, скажем, использование сил природы — так называемое климатическое оружие. Подобные проекты пока что рассматривались лишь как гипотетические (например, идея Андрея Сахарова об искусственных цунами), однако по мере развития и обострения ВПО в мире к ней неизбежно обратятся вновь.

Теоретическая возможность развития позитивных сценариев ВПО в перспективе до середины XXI века

Существуют не только негативные сценарии ВПО. Теоретически возможны сценарии и относительно мирного развития ВПО, однако лишь в исключительных случаях в течение короткого периода и толь-

ко под угрозой силового противодействия. Периодически появляющиеся у некоторых интеллектуалов иллюзии о безальтернативности мирного взаимного существования цивилизаций и государств опасны, если они становятся руководством к действию для политиков. Как показывают примеры Николая II и Горбачева, подобные иллюзии заканчиваются трагически.

Позитивные сценарии развития ВПО теоретически вероятны в ситуациях, когда развитие военных конфликтов и войн сдерживается угрозой применения таких сил (государств, коалиций, организаций) и средств (вооружений и военной техники) противодействия, которые делают риск применения военной силы чрезвычайно высоким, не соответствующим политическим и экономическим целям войны или конфликта. Другими словами, в условиях нормального развития локальных человеческих цивилизаций (без очевидного резкого обострения кризиса) позитивные сценарии развития ВПО могут иметь несколько вариантов, которые можно объединить в две подгруппы позитивных сценариев — силового политического противодействия и силового военного противодействия. При этом важно подчеркнуть, что не существует в принципе несиловых сценариев обеспечения безопасности и мирной эволюции ВПО, на которые рассчитывают некоторые эксперты и даже политики. Ошибка думать иначе, как показал пример Горбачева, дорого обходится нации и ее союзникам.

Совершенно очевидно, что господствующая на Западе либеральная идеология порождает иллюзию, что глобализация и либерализация неизбежно ведут к укреплению институтов, обеспечивающих

права человека, и в конечном счете — к безопасности и миру, если, конечно, следовать нормам и руководствоваться ценностями и интересами западной локальной цивилизации. Проблема заключается в том, чтобы другие локальные цивилизации, нации и страны сделали выбор в пользу такого способа существования. По сути дела, начавшийся в 2014 году конфликт на Украине стал лишь поводом для такой политики западной локальной цивилизации, которая требовала от России принятия норм, правил, ценностей, формулируемых Западом.

Поэтому возникает проблема, ее суть можно сформулировать следующим образом: невоенное развитие МО и ВПО возможно либо в случае безусловного принятия норм и правил поведения другой локальной цивилизации, либо силового (но не военного) активного противодействия такой политике, которое в конечном счете сводится к идеологической, информационной и социокультурной борьбе. Итог этой борьбы зависит прежде всего от того, какая из цивилизаций сможет стать идеологическим и культурным лидером в мире.

Конфликт локальных цивилизаций, трансформируемый в область международных отношений, необязательно ведет к кризису, а тем более к военному конфликту и войне. Одним из возможных, но наименее вероятных сценариев развития МО, в том числе отражающих реалии и перспективы отношений России и США, является сценарий «общецивилизационного благополучия».

В соответствии с этим сценарием отношения между государствами строятся строго на основе международного права и принципах политической, экономической и гуманитарной справедливости либо как

минимум на декларациях этого и при отсутствии конфликтов. Соответственно ни одна из стран (или локальных цивилизаций) не претендует на не равноправное, а тем более силовое, распределение мировых ресурсов. Никто не пытается установить контроль над МО и ВПО, тем более навязывать свою систему ценностей. Подобная идиллия в международных отношениях может создать уникальную военнополитическую обстановку, когда все влияющие на ее изменения акторы вполне удовлетворены и согласны с ходом развития событий и не претендуют на его изменение. Очевидно, что в реальности подобное развитие событий для США абсолютно неприемлемо в силу целого ряда причин. Прежде всего потому, что США, создавая менее 20 процентов мирового ВВП, потребляют более 35 процентов. Кроме того, созданная ими система глобального управления вполне справляется с задачами глобального контроля. Поэтому Россия в настоящее время фактически стоит перед цивилизационным выбором, который будет иметь непосредственные последствия для МО и ВПО:

- ♦ признать и принять систему ценностей западной локальной цивилизации либо сохранить свою систему ценностей и свою идентичность;
 - ♦ признать приоритет интересов западной локальной цивилизации над интересами других цивилизаций или не делать этого;
 - ♦ признать несправедливое устройство взаимоотношений, распределения мировых богатств и системы глобального управления либо отрицать сложившееся по факту право Запада навязывать остальному миру свои правила.
- Позитивный сценарий ВПО является сценарием, когда выбор в пользу ценностей и ин-

тересов западной цивилизации сделан. В этом случае силовые средства политики, в том числе военные, не нужны, поскольку политические цели Запада достигнуты. Зачем вой-

на, когда победа получена? Поэтому позитивный сценарий предполагает политическую капитуляцию, неоправданные уступки и компромиссы, как во времена Горбачева

и Ельцина. Тем не менее такой сценарий не только возможен, но даже вероятен, если правящая элита страны возьмет соответствующий политический курс.

Превращение системы ценностей и интересов своей локальной цивилизации в глобальную систему ценностей и глобальные интересы (как это произошло с либеральными идеями, мировой валютой, нормами международного права) в условиях уменьшения экономической и политической роли США—ЕС в мире возможно только при захвате монополии на интерпретацию системы ценностей, интересов и правовых норм. Это, собственно говоря, и объясняет такую негативную реакцию США—ЕС в отношении России по поводу конфликта на Украине. Ведь Россия «осмелилась» поставить под сомнение правоту такого монопольного толкования.

Монополизм в интерпретации ценностей предполагает точно такой же монополизм и в понимании интересов и норм поведения в мире, в том числе и международно-правовых норм. Например, если обратиться к все тому же конфликту на Украине, то нетрудно заметить, что содержательная сторона той или иной проблемы здесь не имеет никакого значения — важна именно трактовка, пусть и самая дикая, любого факта.

Присвоение себе монопольного права на смыслы и их трактовки, на установление норм и правил поведения необходимо главенствующей локальной цивилизации для вполне корыстных экономических выгод — для создания финансового механизма, контролирующего использование человеческих ресурсов. Контроль над мировыми финансами многократно увеличивает мощь того, кто их контролирует, в ущерб контролируемым.

Такие же правила действуют и в политике, где обладание контрольным пакетом означает, что его владелец получает все. Гуманистические и справедливые законы не работают в международных отношениях. Тем более они бессмысленны в военно-политических отношениях, когда нормы поведения могут рассматриваться в лучшем случае в качестве информационного повода.

Появление новых экономических и военно-политических центров силы как относительно мирный вариант позитивного сценария развития ВПО

Объективный, но достаточно эклектичный процесс превращения изменений в соотношении сил между локальными цивилизациями в новую геополитическую реальность приобрел во втором десятилетии XXI века масштабный динамизм. Фактически западная локальная цивилизация начала процесс стремительного формирования новой геополитической реальности путем расширения НАТО, создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств, во главе которых безусловным политическим и военным лидером выступают США.

Вместе с тем в те же годы резко усилился процесс консолидации других центров силы, во главе которых стоят КНР, Россия, Бразилия и Индия. Саммиты БРИКС и ШОС, решения об их возможном расширении (вплоть до включения Пакистана и Ирана в члены ШОС), создании новых интеграционных проектов и структур (газопроводов, банков, фондов и т.д.) означают, что процесс формирования новой военно-политической коалиции, альтернативной НАТО, стал реальностью.

Это означает, что в противовес одному — западному — центру силы складывается другой — не менее мощный (хотя организационно, политически и технологически отстающий от первого центра в своем развитии) центр силы, имеющий целый ряд стратегических преимуществ:

- ♦ значительно больший демографический и в перспективе человеческий потенциал;
- ♦ больше природных ресурсов;
- ♦ больше геополитических преимуществ.

Именно человеческий потенциал, преимущество в котором у стран БРИКС—ШОС перед Западом очевиден, в XXI веке становится не только решающим фактором развития, но и фактором, определяющим государственную и военную мощь нации или цивилизации. В интересах этого нового центра развития и доступ развивающихся стран к новым технологиям, видам и системам вооружений и военной техники, что невозможно ограничить в эпоху глобализации. Так, несмотря на нервную реакцию со стороны Вашингтона, КНДР проводит запуски баллистических ракет, а Иран испытал аналог российской системы ПВО С-300.

Еще большие перспективы для упрочения конкурентоспособности этих государств открывают новые виды и системы оружия, в частности оружия информационного. По данным Конгресса США, в настоящее время более 120 стран занимаются разработками информационного оружия. Как убедительно показал один из признанных классиков теории информационных войн Мартин Либики, традиционные меры сдерживания в информационном пространстве малоэффективны вследствие дешевизны и доступности для террористических и преступных группировок информа-

ционного оружия, сложности выявления источника угрозы. Формирование новых центров силы в мире изначально предполагает, что в них будут сосуществовать как центробежные, так и центростремительные тенденции. Для России выгодно, чтобы центристские тенденции в рамках широкой коалиции ТС—ШОС—БРИКС набирали силу и быстрее превращали этот аморфный союз в реальную военно-политическую коалицию, способную противостоять Западу.

Прогнозируя развитие ВПО в мире на долгую перспективу, необходимо исходить из набора средств, имеющихся у государства для обеспечения своей национальной безопасности и суверенитета. У России этот набор возможных средств ограничен. Собственно, речь тут может идти о действиях по трем направлениям:

- ♦ создание собственной глобальной или региональной организации;
- ♦ развитие международных и региональных институтов;
- ♦ обеспечение безопасности собственными средствами (в этом случае можно говорить о военных или невоенных средствах).

Альтернативой же является стратегия полного или частичного отказа от национального суверенитета, что для России может сводиться к:

- ♦ признанию правил игры и норм, определяемых в мире Соединенными Штатами;
- ♦ интеграции в ЕС и НАТО на их условиях;
- ♦ подчинению Китаю или какому-то другому крупному геополитическому субъекту, не желающему действовать в интересах Запада.

Подобный выбор стоял перед государствами практически всегда в истории человечества. В давние времена выбор сводился к двум вариантам — подчиниться или бороться.

Позже их спектр расширился, но остался ограниченным. В XXI веке России предстоит сделать такой принципиальный выбор, который еще не сделан. При Горбачеве и Ельцине мы фактически двигались в направлении отказа от собственного суверенитета. При Путине был сделан резкий разворот в противоположном направлении, однако пока так до конца и не ясно, который из трех названных выше вариантов этого сценария Россия выберет.

Одним из реалистических сценариев развития ВПО является создание евразийской системы военно-политической безопасности на основе формирования мощной политико-экономической и военно-политической коалиции. В настоящее время, а тем более в долгосрочной перспективе 30–50 лет, есть все основания полагать, что главным и решающим ТВД станет Евразия. Причем, как и во времена Крымской, а также Первой и Второй мировых войн, военные действия охватят все части Евразии и прилегающих акваторий, включая Арктику. Поэтому любой стратегический прогноз должен начинаться с геополитического анализа и перспектив развития ВПО в Евразии. При этом надо исходить из того, что сегодня:

- ♦ не существует системы европейской и евразийской безопасности для всех, а реально существующая система — североатлантическая — направлена на обеспечение интересов только части государств;
- ♦ маловероятно, учитывая позицию Запада, что удастся сложить единую и справедливую систему безопасности в Евразии «от Лиссабона до Владивостока»;
- ♦ существует возможность создания системы безопасности в Азии с участием КНР и России.

В XXI веке начался процесс геополитической поляризации, который характеризуется не только появлением и усилением новых центров силы в мире, но и нарастанием между этими центрами силы геополитических противоречий. В таких условиях преобладающими становятся тенденции консолидации вокруг этих центров силы других государств и организаций, формирования новых и развития существующих коалиций.

Сценарии усиления геополитической конфронтации

Очевидно, что в XXI веке в мировой ВПО произойдут радикальные изменения, которые могут состояться быстрее, чем идущие процессы развития и производства вооружений и военной техники. Новые угрозы — в том числе и качественно, принципиально новые — могут потребовать и новых средств ведения войны, и новых способов их использования, в то время как инерция производства вооружений и военной техники ориентирована как минимум на 15–20 лет в будущее. Эти опасения были высказаны Путиным на заседании Военно-промышленной комиссии 10 сентября 2014 года. Президент тогда подчеркнул, что на любую угрозу военной безопасности страны «должен быть найден достаточный адекватный ответ», напомнив при этом, что несколько лет назад США вышли из договора по ПРО и сейчас вовсю идет создание системы ПРО у наших границ — и в Европе, и на Аляске. «Разрабатывается теория так называемого глобального обезоруживающего удара», — продолжил Путин, добавив, что новых угроз очень много. В том числе и решение о наращивании сил НАТО в Восточной Европе. «Кризис на Украине, кото-

рый и был, собственно говоря, спровоцирован и создан некоторыми нашими западными партнерами, сейчас используется для реанимации этого военного блока», — заметил президент.

Процессы деструкции мира, концентрации силы в новых мировых центрах, а значит, и само появление новых центров принятия политических решений — появление, сопровождающееся неуклонным перемещением вектора мирового развития с Запада на Восток, — неизбежно встречают резкое и негативное отношение со стороны правящей элиты США. Это негативное отношение в стратегическом плане будет провоцировать различные формы противодействия со стороны США, включая в том числе и военно-силовые.

Ведущие эксперты США обосновывают сохранение их страны «на пике» мирового развития бесконечно долго — может быть, вечно. Логика, вытекающая из подобной политической философии, неизбежна: несмотря на все объективные изменения соотношения сил в мире, США должны найти способы предотвратить такое развитие событий. То есть Вашингтон пытается остановить развитие объективных тенденций, а это, в свою очередь, неизбежно вызывает кризисы. Такие кризисы — политические, экономические, гуманитарные и др. — ведут к разному обострению ВПО в мире и отдельных регионах. Подобная взаимосвязь отчетливо проявилась в следующих случаях.

Во-первых, стремление сохранить влияние в Европе и на Балканах привело к кризису в Югославии и военному конфликту.

Во-вторых, попытка взять под контроль развитие ситуации на Среднем Востоке вылилась в войну против Ирака.

В-третьих, стремление закреплиться в Центральной Азии обернулось войной в Афганистане.

В-четвертых, политика усиления слабеющего влияния на Севере Африки и Ближнем Востоке вызвала вооруженные конфликты в этом регионе.

В-пятых, ставка на Украину как «подмандатную территорию» в конце концов спровоцировала войну внутри нее.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют только об одном — об усилении вероятности развития сценариев геополитической конфронтации, причем прежде всего между локальными цивилизациями или их видами — суннитами и шиитами в исламской локальной цивилизации, протестантами и православными в христианской европейской цивилизации.

Вариантов таких сценариев развития глобальной конфронтации в настоящее время существует много. Особенно опасен один из них — вариант искусственного сдерживания со стороны западной локаль-

ной цивилизации трансформации соотношения сил и влияния в мире, если такая трансформация осуществляется не в пользу Запада. Подобное силовое — а другого и не может быть в принципе — сдерживание неизбежно ведет к расширению использования военной силы в качестве инструмента политики в международных отношениях. В связи с этим следует рассмотреть некоторые существующие сценарии ВПО, развитие которых в долгосрочной перспективе существенно повлияет на ситуацию в мире.

Сценарий геополитической военно-политической поляризации

Дестабилизация целых регионов планеты может быть не следствием политики Запада, как иногда считается, а ее стратегической целью. Создание хаоса резко усиливает возможности для внешнего влияния. В этом смысле сценарий геополитической поляризации может стать для Запада вполне прагматичным,

хотя и циничным, сценарием развития МО в XXI веке. Этот сценарий, таким образом, станет вполне логичным продолжением политики Запада по силовому навязыванию другим локальным цивилизациям, нациям и странам своей системы ценностей и глобальных приоритетов: насильственно продвигать системы ценностей, как известно, можно только в условиях конфронтации, причем лучше всего — конфронтации именно глобальной.

Цель этого сценария — сохранить лидирующую роль западной цивилизации и ее контроль над развитием ситуации в ключевых регионах мира. Причем создание хаоса в отдельных странах и целых регионах предоставляет внешним силам уникальную возможность усилить их влияние на регулирование процессами, протекающими на таких дестабилизированных пространствах. Так, до начала гражданской войны в Ливии этот регион успешно развивался, здесь быстро рос ВВП. В Тунисе, например, среднего-

довые темпы роста ВВП составляли 4,4 процента, а после падения режима Каддафи в Ливии они снизились до 1,6 процента.

Главным инструментом в будущей военно-политической борьбе станут средства информационного воздействия, первенство в которых будет опираться на сохранение технологического превосходства США–ЕС, а также гуманитарно-информационных технологий ведения психологической борьбы и войны. Сценарий глобальной военно-политической поляризации в конечном итоге предполагает борьбу западной локальной цивилизации против всех других локальных цивилизаций. А такая борьба, естественно, не может вестись всегда военно-силовым путем. В разное время противостояние с теми или иными локальными цивилизациями будет даже принимать внешние формы сотрудничества, но при этом информационно-идеологическое противоборство никуда не денется. Более того, в периоды такого «сотрудничества» оно может даже усиливаться, приобретая все признаки вооруженной борьбы.

Наконец, сценарий геополитической военно-политической поляризации предполагает, что соотношение сил между западной локальной цивилизацией и другими локальными цивилизациями будет в пользу Запада. Такое превосходство должно, во-первых, политически влиять на отношения с другими странами, во-вторых, препятствовать созданию объединенной антизападной коалиции.

Вопрос о подсчете — количественном и качественном — соотношения военных сил до сих пор остается открытым, хотя очевидно, что любое соотношение должно различаться как минимум на десятки процентов, а как максимум —

в разы. Обратимся к «Глобальному рейтингу интегральной мощи 100 стран». Для определения совокупных возможностей вооруженных сил 100 ведущих стран мира в соответствии с общей методологией стратегической матрицы была сформирована система показателей, имеющих статистическую основу и учитывающих экспертные оценки. При этом выявление позиций государств в мировом балансе военной силы делалось с учетом тенденции, в соответствии с которой снижается порог использования военной силы.

Уровень развития вооруженных сил можно определить исходя из оценки комплекса параметров. Можно выделить четыре группы таких параметров.

Во-первых, наличие и степень оснащенности системами высокоточного оружия.

Во-вторых, наличие и степень развитости стратегических ядерных сил, их морского, сухопутного и авиационного компонентов, количество ядерных боезарядов, степень соответствия мировым стандартам надежности систем вооружения.

В-третьих, развитие систем управления и связи:

- ♦ степень использования современных информационных технологий;
- ♦ качество используемых систем управления и связи.

В-четвертых, развитие сил общего назначения:

- ♦ численность;
- ♦ организационная структура;
- ♦ качество личного состава;
- ♦ техническая оснащенность.

Разработаны специальные шкалы критериев, в соответствии с которыми уровень развития государства определяется в диапазонах «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство».

Уровень развития силового компонента государства, соот-

ветствующий сверхдержаве, можно определить такими характеристиками, как:

- ♦ собственное производство подавляющего большинства систем вооружения и военной техники;
- ♦ наличие ядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет при общем количестве ядерных боезарядов не менее 1000–1500 единиц;
- ♦ численность вооруженных сил более миллиона человек;
- ♦ наличие возможностей масштабированного использования систем высокоточного оружия;
- ♦ оснащенность передовыми системами управления и связи.

В полной мере уровню сверхдержавы в настоящее время соответствуют только США. Пока близка к этому уровню Россия, но по таким показателям, как производство вооружений во всем спектре современных систем, численность вооруженных сил и оснащенность высокоточным оружием, передовыми системами управления и связи, она существенно отстает от США.

Для великой державы характерны меньшее число стоящих на вооружении ядерных боезарядов (порядка 100–500 единиц), отставание от сверхдержавы в развитии систем управления и связи, ограниченные способности применения высокоточного оружия. В таких странах может отсутствовать налаженное национальное производство некоторых критически важных систем оружия (например, стратегических бомбардировщиков, самолетов ДРЛО и управления, современных авианосцев, подводных лодок с атомной силовой установкой, боевых кораблей других основных классов и т.п.).

Региональная держава, как правило, не имеет ядерного оружия (хотя может иметь

Таблица 2

Статус государства	Оценка в баллах	Характеристика
сверхдержава	8–10	вооруженные силы страны оказывают определяющее воздействие на формирование мирового баланса сил
великая держава	5–7	армия страны значима в мировом балансе сил и оказывает существенное влияние на военный баланс своего континента
региональная держава	2–4	государство оказывает значительное влияние на баланс сил в одном регионе
малое государство	1	государство уступает по силе своим соседям по региону

средства его доставки), существенно отстает в развитии систем управления и связи и импортирует большую часть вооружения.

Таким образом, статус государства напрямую зависит от уровня развития его вооруженных сил (таблица 2).

Для наглядности представления результатов оценки военного потенциала все показатели развития вооруженных сил были сведены в две большие группы. Первая группа — общие показатели развития вооруженных сил. В нее вошли данные по военным расходам, численности ВС и мобилизационным ресурсам (таблица 3).

Вторая группа показателей характеризует уровень развития вооруженных сил общего назначения. Эта группа делится на три подгруппы, отражающие уровень развития сухопутных, военно-морских и во-

енно-воздушных сил (таблицы 4, 5, 6).

Ядерный потенциал оценивается показателем, отражающим количество имеющихся на вооружении ядерных боеголовок, и группой показателей, характеризующих средства доставки ядерного оружия. В данном случае ограничимся статистикой Стокгольмского института исследования проблем мира (данные на 2013 год), которая учитывает лишь количество боеголовок (таблица 7).

Благодаря беспрецедентным военным расходам, превышающим расходы всех остальных стран мира, США уверенно лидируют по общим показателям развития вооруженных сил. На втором месте по этому показателю стоит Евросоюз. Его совокупные военные расходы в 9 раз превосходят российские, а общая

численность вооруженных сил превышает 2 миллиона человек. Третью строчку военного рейтинга занимает Китай, превосходящий все страны по численности вооруженных сил. Россия занимает четвертое место. Далее первая десятка по общим показателям развития вооруженных сил выглядит следующим образом: на пятом месте находится Индия, на шестом (неожиданно) — Южная Корея, седьмое место — у Франции, восьмое — у Великобритании, девятое — Турция.

Рейтинг сухопутных сил демонстрирует ожидаемое лидерство США. По общей численности приписываемых России вооружений она находится на втором месте. На третьем — ЕС, на четвертом — Китай. Пятое место неожиданно занимает Украина.

Таблица 3

Статус государства	Оценка в баллах	Военные расходы (долл. США)	Численность ВС, тыс. человек	Оценочная численность резервистов и военизированных формирований, тыс. человек
сверхдержава	8–10	свыше 60 млрд (макс. значение — ок. 553 млрд)	свыше 1 млн (макс. значение — свыше 2 млн)	свыше 500 (макс. значение — свыше 2 млн)
великая держава	5–7	10–60 млрд	300 тыс. — 1 млн	100–500
региональная держава	2–4	500 млн — 1 млрд	50–300	50–100
малое государство	1	менее 500 млн	менее 50	менее 50

Таблица 4

Характеристика уровня развития сухопутных сил

Статус государства	Оценка в баллах	Основные боевые танки	Легкие танки и боевые бронированные машины, включая боевые машины пехоты, бронетранспортеры, боевые разведывательные машины и др.	Орудия полевой артиллерии, самоходные артиллерийские установки, реактивные системы залпового огня	Ударные и многоцелевые вертолеты
сверхдержава	8–10	свыше 3000 (макс. значение – 23 000)	свыше 4000 (макс. значение – 38 763)	свыше 10 000 (макс. значение – 26 254)	свыше 1000 (макс. значение – 1321)
великая держава	5–7	1000–3000	1000–4000	2000–10 000	300–1000
региональная держава	2–4	300–1000	300–1000	1000–2000	100–300
малое государство	1	менее 300	менее 300	менее 1000	менее 100

(Правда, эти данные соответствуют времени до начала в прошлом году так называемой антитеррористической операции на востоке страны.) Шестое место у Израиля. Далее следуют Египет (седьмое место), Турция (восьмое место), Сирия (на момент начала гражданской войны) (девятое место) и КНДР (десятое место).

В рейтинге военно-морских сил сначала идут США, ЕС и Россия. Затем – Китай, Великобритания, Франция и КНДР. Впечатляет столь высокая позиция Северной Кореи, у которой феноменальное количество подводных лодок – 43, причем без учета 20 субмарин специального назначения, используемых для разведывательных целей. Замыкают первую десятку Индия, Япония и Южная Корея.

В рейтинге военно-воздушных сил первое место у США, второе удерживает ЕС, третье – у России, четвертое – у Китая. Стремление США сохранить контроль над ситуацией в мире и развитием ВПО в условиях объективно развивающихся противодействующих тенденций неизбежно требует от них использования коалиционной стратегии, то есть создания максимально широкой военно-политической

коалиции во главе с США. Такая стратегия позволит Соединенным Штатам:

- ♦ консолидировать экономические, политические и военные ресурсы большого числа государств, прежде всего НАТО и ЕС, в своих интересах;
- ♦ противопоставить растущему не в их пользу изменению в соотношении сил «совокупную» контролируемую мощь Запада, которую можно использовать в политических, экономических и иных целях, тем более что фактически все войны США в XX и XXI веках (за редким исключением) были коалиционными;
- ♦ сильнее привязать к себе партнеров и союзников политически и дипломатически, с тем чтобы помешать созданию любой другой коалиции или союза.

Сценарий военно-политической поляризации является составной частью, вариантом развития негативного геополитического сценария, предусматривающего в то же время консолидацию ресурсов союзников и партнеров США в глобальном масштабе, но прежде всего в рамках Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств.

Если говорить о Европе, то этот процесс объясняется от-

носительным игнорированием со стороны некоторых стран-членов НАТО общих потребностей блока в последние годы. Это хорошо видно на примере уменьшения доли европейских стран НАТО в общих объемах военных расходов. Соответственно в последние годы в финансировании блока возрастает доля США, что объективно противоречит двум трендам. Во-первых, падению доли ВВП США в мире. Во-вторых, относительному сокращению американских военных расходов в последние два-три года (которое последовало после сверхбыстрого, почти на 100 процентов, роста военного бюджета США в начале XXI века). Подобная динамика не может не сказаться на боевой эффективности НАТО, которой в США придают огромное значение. По существу, происходит отставание блока от выполнения им плановых показателей боеспособности.

Сценарий усиления геополитической поляризации, частным вариантом которого является военно-политическая поляризация, стал в начале XXI века одним из доминирующих сценариев развития ВПО в мире. Он, в частности, предполагает, что:

Таблица 5

Характеристика уровня развития военно-морских сил

Статус государства	Оценка в баллах	Подводные лодки	Авианосцы	Боевые корабли основных классов (за исключением авианосцев)	Боевые самолеты ВМС, в том числе самолеты палубной авиации
сверхдержава	8–10	свыше 50 (макс. значение – 71)	свыше 5 (макс. значение – 11)	свыше 50 (макс. значение – 96)	свыше 500 (макс. значение – 1138)
великая держава	5–7	10–50	2–5	20–50	200–500
региональная держава	2–4	5–10	1–2	10–20	100–200
малое государство	1	менее 5	0	менее 10	менее 100

♦ роль международных организаций и авторитет международного права существенно слабеют;

♦ возрастает значение военно-политических и иных коалиций и союзов, включая региональные ассоциации и объединения, а также их согласованных действий в разных областях;

♦ происходит постепенная кристаллизация государств вокруг определенных центров силы, представляющих противоборствующие тенденции;

♦ постепенно ослабевает тенденция односторонних военных и военно-политических действий отдельных акторов — государств и организаций, — такие одиночные действия уступают место согласованным шагам групп государств. Так, вооруженный конфликт на Украине в полной мере продемонстрировал наличие этих тенденций. Налицо ослабление роли ООН и ОБСЕ и, напротив, возрастание значения НАТО, ЕС, «Большой шестерки» и двусторонних отношений тех или иных государств с США. Наблюдаются очевидная консолидация западных стран вокруг позиции США и снижение активности их односторонних действий. Например, если в 2002 году численность односторонних акций существенно (на 40 процентов) превышала численность международных конфликтов, то в 2012 году

была уже противоположная картина. Увеличилось и количество акций, предпринимаемых негосударственными акторами (как правило, по инициативе враждебных государств).

Указанные существенные изменения коренным образом повлияли на состояние и перспективы международной и региональной безопасности. В результате следует признать очевидное: создание системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока», которое долгое время декларировалось в качестве главной цели, остается и еще очень долгое время будет не более чем политическим лозунгом. О таком лозунге станут вспоминать всякий раз по соответствующему случаю, но в ближайшей перспективе он не станет реальной политикой в Евразии.

На деле же США консолидируют Запад, создавая исключительно для себя систему безопасности, основанную на НАТО. В XXI веке эта система расширится уже до пределов Центральной и Юго-Восточной Азии. Эта система безопасности, созданная США после Второй мировой войны, вполне эффективно защищает американско-британские интересы в мире вот уже почти 70 лет, и ни у США, ни у Великобритании нет оснований ее менять на какую-либо иную систему.

И существующая мировая финансово-экономическая система также наиболее выгодна двум крупнейшим мировым финансовым центрам — Нью-Йорку и Лондону, — которые извлекают максимальную прибыль, управляя глобальными финансами и контролируя основные международные финансовые институты. Так, например, основной внешний государственный долг сохраняется за США и Великобританией, которые «позволили» участвовать в этом процессе Германии и Франции — но на гораздо более скромных условиях (таблица 8).

Как видно из приведенной таблицы, англо-американский финансовый контроль в мире позволяет США и Великобритании кредитоваться за счет мировой экономики. Очевидно, что подобная ситуация не может устраивать другие страны, прежде всего те, масштабы и темпы роста экономики которых позволяют им претендовать на свою роль в мировых финансово-экономических процессах. Речь идет прежде всего о странах БРИКС, которые начали играть все более активную не только экономическую, но и политическую роль. Причем в разных регионах фиксируется разное напряжение между старыми и новыми центрами силы — от наиболее сильного противоречия, назревшего в АТР, до

Таблица 6

Статус государства	Оценка в баллах	Характеристика (количество боевых самолетов) уровня развития военно-воздушных сил
сверхдержава	8–10	свыше 1500 (макс. значение – 3063)
великая держава	5–7	700–1500
региональная держава	2–4	150–700
малое государство	1	менее 150

относительно скрытого напряжения в Африке.

Отсутствие эффективных политических механизмов обеспечения безопасности в XXI веке означает, что в действительности для ряда стран такие механизмы созданы и действуют (НАТО–ЕС), а для некоторых — еще только находятся в стадии формирования (ШОС–БРИКС).

По мере изменения соотношения экономических, а теперь уже и политических сил не в пользу Запада все большее значение приобретает сохранение за США мирового лидерства в области наукоемких технологий (и как следствие — в качестве вооружений и военной техники). Чрезвычайно значимы для Вашингтона и те его военно-политические союзы и двусторонние договоренности, которые свидетельствуют об американском руководстве всей этой глобальной военно-политической коалицией. То есть сохранение рычагов управления мировыми финансами, торговлей и экономикой во многом зависит от способности обеспечивать такой военно-силовой контроль со стороны стран-лидеров, который обеспечивал бы сохранение геополитического и военно-политического статус-кво в мире.

Угрозу, даже гипотетическую, изменению геополитического статус-кво Запад рассматривает в качестве прямой и непосредственной угрозы контролируемой им системе безопасности в мире и способности управлять мировыми финансами, торговлей и экономи-

кой. Кризис на Украине отчетливо показал, как этот механизм действует на практике: достаточно было поставить под сомнение готовность Украины стать на крайне невыгодных условиях частью этого пространства, как были включены все механизмы — политические, военные, финансовые, — для того чтобы исправить эту ситуацию выгодным для Запада образом. То, каким образом было осуществлено такое исправление, наглядно демонстрирует функционирование сценария военно-политической консолидации, когда на разных уровнях и в разной степени зависимости от США создается система военно-политических отношений, подконтрольная именно Америке. Одним из таких примеров может стать политика субрегионального военного сотрудничества в Европе.

Соответственно надо признать, что без политической и военной интеграции евразийских государств (не вошедших в НАТО или в систему военных союзов, создаваемых США) — интеграции, обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, — проект евразийского сотрудничества рискует свестись к простому соглашению о торговле. Тем более что масштабы экономической интеграции в Евразии не являются такими уж впечатляющими — сами по себе они не смогут предопределить геополитическое будущее Евразии. Тем более им

не удастся автоматически превратить Россию в центр евразийской интеграции.

Усиление роли геополитики как синтеза интересов и ценностей локальной цивилизации в сценариях развития ВПО в XXI веке

В XXI веке стремительно развивается процесс синтеза интересов и систем ценностей отдельных локальных цивилизаций. В частности, можно говорить о том, что эта тенденция четко прослеживается на примере западной, исламской, китайской, российской и индийской цивилизаций. В перспективе к такому синтезу подключатся и другие цивилизации. Отсюда следует, что к конфликтному потенциалу между отдельными странами добавляются противоречия между геополитическими интересами и ценностями локальных цивилизаций. В основе же современной системы международной безопасности лежат геополитические интересы и расчеты, в первую очередь учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран и других акторов МО, а также защита и продвижение систем ценностей локальных цивилизаций и отдельных наций. Это означает, что в принципе геополитические интересы совпадают с системами ценностей локальных цивилизаций и наций, выступают в комплексе, неразрывно, как единое целое. Причем такая взаимосвязь

Таблица 7

Страна	Развернутых боеголовок	Остальных боеголовок	Общее количество боеголовок
США	2150	5550	7700
Россия	1800	6700	8500
Великобритания	160	65	225
Франция	290	10	300
Китай	—	250	250
Индия	—	90–110	90–110
Пакистан	—	100–120	100–120
Израиль	—	80	80
Северная Корея	—	—	6–8?
Всего	4400	12 865	17 270

геополитических интересов и систем ценностей развивается, становится все более тесной, формируя в конечном счете общую политико-идеологическую основу стратегии и конкретной внешней политики.

Войны и военные конфликты последних десятилетий отчетливо показали, что взаимосвязь геополитики (интересов) и систем ценностей стала в XXI веке решающим фактором формирования политического курса стран, входящих в локальные цивилизации. Красноречивым примером подобной взаимосвязи является военный конфликт на Украине, который становится:

- ♦ цивилизационным конфликтом, ситуацией выбора вектора развития — европейской или российской локальных цивилизаций и их систем ценностей, что отчетливо проявилось в социальных и политических отношениях элит не только на Украине, но и в России, Евросоюзе, США и даже в других странах;
- ♦ геополитическим конфликтом, своего рода борьбой за Евразию, в которой Украина в силу своего географического, исторического и политического значения играет ключевую роль, потому-то на протяжении всего постсоветского

времени Украина рассматривается Америкой как самый главный приоритет восточноевропейской политики.

Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ими решающего значения во Второй мировой войне, а впоследствии — для доминирующих моделей безопасности. С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки геополитика стала не только фундаментом, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые были вынуждены учитывать ее в принятии политических решений. Война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и в Никарагуа, конфликт из-за Мальдивских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции.

Таким образом, в XXI веке глобализация и интересы локальных цивилизаций привели к гегемонии геополитики, когда любые — даже незначительные — события в полити-

ке, в экономике и социальной сфере рассматриваются в ракурсе синтеза геополитических интересов и ценностей той или иной локальной цивилизации.

Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявятся их геополитическое значение и качественно новая роль в формировании мировой и региональной ВПО. Это видно, в частности, из материалов глобального прогноза, представленного Национальным советом по разведке США в декабре 2013 года. В документе, в частности, отмечалось, что Великобритании понадобилось 155 лет, чтобы удвоить свой подушевой ВВП при населении приблизительно 9 миллионов человек в 1870 году. США и Германия потратили на это от 30 до 60 лет при населении в несколько десятков миллионов человек. Индия и Китай подходят к этому же уровню невиданными прежде темпами: у них в 100 раз больше жителей, чем в Великобритании, и в десять раз меньше времени. Национальный совет по разведке подчеркивает, что к 2030 году Азия при таких темпах развития может стать мировым центром влияния. К той же рубежной дате большинством во многих странах станет

Таблица 8

№	Страна	Валовой внешний долг (млн долл. США)
1	США	15 680 472
2	Великобритания	9 471 208
3	Германия	5 718 982
4	Франция	5 370 709
5	Люксембург	2 711 909
6	Италия	2 499 602
7	Нидерланды	2 493 906
8	Испания	2 278 705
9	Ирландия	2 163 912
10	Швейцария	1 563 179
11	Бельгия	1 423 730
12	Канада	1 331 262
13	Швеция	1 039 336
14	Австрия	808 140
15	Норвегия	723 066
16	Россия	631 784

средний класс, а не бедные, которые в течение всей истории человечества составляли основную массу населения. Продолжится сосредоточение населения в городских конгломератах. Ежегодно число горожан увеличивается на 65 миллионов человек, что эквивалентно семи городам, равным Чикаго, или пяти городам размером с Лондон. Ускорится и процесс освоения новых технологий, причем развивающиеся страны будут перепрыгивать через этапы развития, которые в свое время пришлось пройти развитым странам.

Стокгольмский институт исследования проблем мира прогнозирует и рывок развивающихся стран в вооружениях и военной технике. Так, по данным этого института, представленным на таблице ниже, во втором десятилетии XXI века военные расходы в отдельных регионах уже стали сопоставимыми с расходами прежних лидеров — США и стран Западной Европы (таблица 9).

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза. Более того, к 2020-м годам, то есть уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран станут практически сопоставимыми с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции. К тому же возможные технологические прорывы могут привести к тому, что и военные потенциалы целого ряда государств окажутся через несколько лет вполне сравнимыми с американскими, а тем более — с английскими и французскими.

Таким образом, к 2020-м годам сложится качественно новая ситуация в ВПО на мировом и региональном уровнях. В практической политике это будет означать резкое усиление влияния внешних факторов, во-первых, на формирование политических целей и

задач и — косвенно — на стратегию акторов и распределение ресурсов, а во-вторых, на национальные интересы и базовые ценности. Начало такой трансформации уже видно на примере той же Украины, где именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты, что привело к радикальной смене политического курса и прежней элиты. Заокеанское влияние привело и к кардинальной коррекции национальных интересов: ориентация на Россию сменилась ориентацией на Запад и западную систему ценностей («Евромайдан», «европейский выбор» и т.д.).

Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращение ее в решающий фактор уже сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе. Более того, растущее влияние геополитики становится наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и на основные тенденции в развитии вооружений и военной техники, военного искусства и стратегического военного планирования. Достаточно привести лишь некоторые примеры.

Так, Франция в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний, а также «задержаться» с выводом своих войск из Центрально-Африканской Республики и Мали. Такое поведение Парижа определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастает уже к середине XXI века.

Другой пример — создание в РФ отдельного вида воору-

Таблица 9

Регион	Расходы на вооружения и военную технику по данным на 2012 год (млн долл. США)	Изменение по сравнению с предыдущей экспертизой (проц.)
Африка	39,2	1,2
Северная Африка	16,4	7,8
Центральная и Южная Африка	22,7	–3,2
Америка в целом	782	–4,7
Центральная Америка и страны Карибского бассейна	8,6	8,1
Северная Америка	708	–5,5
Южная Америка	65,9	3,8
Азия и Океания	390	3,3
Центральная и Южная Азия	59,8	–1,6
Восточная Азия	268	5,0
Океания	28,2	–3,7
Юго-Восточная Азия	33,7	6,0
Европа в целом	407	2,0
Восточная Европа	100	15
Западная и Центральная Европа	307	–1,6
Ближний Восток	138	8,3
Мир в целом	1756	–0,4

женных сил, Воздушно-космических сил, к 1 января 2016 года. Данное решение констатирует не только фактическое появление единого глобального ТВД — воздушно-космического пространства. Немаловажным обстоятельством становится и то, что Воздушно-космические силы станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, поскольку сфера ответственности этого вида войск распространяется не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства. С геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность этих территорий от США, а также создание новых систем воздушно-космического на-

падения, такой потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространствах. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в данном случае оказываются малоэффективными, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных работах ученых и экспертов типа Збигнева Бжезинского, но и в официальных документах. Например, проект «Шелкового пути» обрел форму закона США еще в конце 1990-х, то есть до американского вторжения в Афганистан.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отличаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должны быть избраны такие военная доктрина и военная стратегия, которые отвечали бы этим реалиям. Соответственно из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства — создание эффективной системы воздушно-космической обороны территории страны и ее союзников и развитие Стратегических ядерных сил. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить

национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные войска, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами при Воздушно-космических и Стратегических ядерных силах. Расстановка приоритетов в военном строительстве именно подобным образом особенно важна в свете создания Соединенными Штатами глобальной системы ПРО. В настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

- ♦ Великобритания (производит системы радиоразведки и радиоэлектронной борьбы, поставляет компоненты для ПРО США, а также не исключает возможное размещение ПРО США на своей территории);
- ♦ Ирландия (поставляет компоненты для ПРО США и поддерживает развертывание ПРО США в Европе и Японии);
- ♦ Германия и Франция (поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США и также не исключают возможного размещения ПРО США на своих территориях);
- ♦ Польша (система ПРО США уже строится);
- ♦ Эстония, Литва, Чехия (ведутся переговоры по размещению элементов ПРО США);
- ♦ Дания (поставляет компоненты для ПРО США и не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- ♦ Финляндия и Швеция (поставляют компоненты для ПРО США и ведут переговоры о размещении радиолокационных станций);
- ♦ Южная Корея (поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США и не исключает размещение элементов ПРО США на своей территории);

♦ Сингапур и Малайзия (ведутся переговоры о размещении ПРО США);

♦ Канада (ведет переговоры о размещении у себя ПРО США и интегрировании ПРО Канады в систему ПРО США);

♦ Япония (поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, строит радиолокационные станции, производит ракеты, а также скоро разместит на острове Хоккайдо элементы ПРО США с ядерными установками);

♦ Мексика (ведет переговоры о присоединении к системе ПРО США);

♦ Монголия (ведет переговоры о размещении ПРО США);

♦ Азербайджан (ведет переговоры о размещении ПРО США);

♦ Румыния (поставляет компоненты для ПРО США и ведет переговоры о размещении ПРО США);

♦ Грузия (ведет переговоры о размещении ПРО США);

♦ Австралия (строит радиолокационную станцию с интегрированной системой «ПРО США – Новая Зеландия – Сингапур – Япония»);

♦ Словакия (ведет переговоры о размещении ПРО США);

♦ Италия (поставляет операционные системы для ПРО США и не исключает возможности строительства у себя элементов ПРО США);

♦ Норвегия (поставляет детали и операционные системы для ПРО США);

♦ Вьетнам (планирует вести переговоры о размещении ПРО США).

Все это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая пока не имеет ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии – точнее, странам АТР и Евразии, а еще точнее – России и Китаю.

В этом смысле обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны – Центрального разведывательного управления. На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую части. При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири, а также проходящие по ним коммуникации окажутся под непосредственной угрозой. Транспортные коридоры – эти проектируемые логистические линии транзита из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона – также окажутся под фактическим контролем Запада – как, впрочем, и основные российские запасы природных ресурсов. Вообще же значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская железнодорожная сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины и Казахстана – почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам, что хорошо видно из таблицы 10.

Отсюда очевидна колоссальная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и с востока на запад, а также стремительно растущее значение Северного морского пути из Европы в Азию и наоборот.

Собственно экономическое значение Центральной Азии невелико, в том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Однако этот мегарегион представляет собой исключительное геополитическое значение — своего рода центра, срединных земель единого евразийского пространства, которое на многих картах четко делится на две части — европейскую и азиатскую, — причем водораздел проходит именно по Центральной Азии. При этом в представлениях западных геополитиков безопасность Европы ограничивается безопасностью государств Западной, Центральной и частично Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турции. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжье, страны Центральной Азии и Сибирь.

Одновременно США придают особое значение дестабилизации обстановки в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии. Роль детонатора этой территории отводится именно Казахстану, ведь важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (то есть, по сути, индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости к Казахстану, а транспортные коридоры — «запад—восток» и «север—юг» — проходят через его территорию. В связи с этим понятна и четкая позиция руководства Казахстана, кото-

Таблица 10

№	Страна	Общий объем железнодорожных грузоперевозок (в млн тонн на километр) за вычетом пустых частных вагонов (данные на 2011 год)
1	США	2 524 292
2	Россия	2 127 835
3	Украина	243 866
4	Казахстан	223 626
5	Германия	113 317
6	Польша	53 746
7	Франция	34 200
8	Швеция	22 864
9	Латвия	21 410
10	Австрия	20 345
11	Литва	15 088
12	Румыния	14 719

рое решительно пресекает любые попытки создания на территории страны очагов экстремизма и проведения внешних интересов.

Между тем внимание Соединенных Штатов к Центральной Азии продолжает нарастать. Так, в 2006 году Америка взяла на себя обязательство по совершенствованию оборонного потенциала, а также по поддержанию безопасности на границах стран «Шелкового пути». Вашингтонский Центр стратегических и международных исследований называет «Шелковый путь» важным элементом американской «противоповстанческой стратегии» в этой части Евразии. При этом проходящую через Россию Северную сеть доставки, по которой осуществляется снабжение войск США и НАТО в Афганистане, США считают первым шагом к строительству геополитической системы «Шелкового пути».

Таким образом, «Шелковый путь» развивает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно. Среди них:

- ♦ освоение природных ресурсов Афганистана, оценен-

ных Геологической службой США в один триллион долларов;

- ♦ получение доступа к рынкам, охватывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты;

- ♦ строительство рыночной экономики в мегарегионе, во многих районах которого сохраняются средневековые порядки и соответствующий им уровень развития;

- ♦ получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»;

- ♦ перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;

- ♦ создание региональной организации государств «Шелкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

То есть США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России. Поэтому борьба за Евразию станет главным содержанием развития военно-политической обстановки на ближайшие десятилетия.